

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б51

Серия «Эксклюзивная классика»

William S. Burroughs

NAKED LUNCH

Перевод с английского *В. Когана*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
Е. Фerez

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Книга содержит нецензурную брань

Берроуз, Уильям.

Б51 Голый завтрак : [роман] / Уильям Берроуз ; [пер.
с англ. В. Когана]. — Москва : Издательство АСТ,
2019. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-113741-0

Одна из величайших книг неконформистской культуры
за всю историю ее существования.

Одна из самых значительных книг XX века, изменившая
лицо современной прозы.

«Голый завтрак» — первый роман Уильяма Берроуза, сразу же поставивший автора в ряд живых классиков англоязычной литературы.

Странная, жестокая и причудливая книга, сочетающая в себе мотивы натурализма, визионерства, сюрреализма, фантастики и психоделики.

«Порвалась дней связующая нить»... и неортодоксальные способы, которыми Уильям Берроуз предлагает соединить ее, даже сейчас могут вызвать шок у среднего человека и вдохновение — у искушенного читателя.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© William S. Burroughs, 1959, 1964, 1982, 1991

© Перевод. В. Коган, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers,
2019

ISBN 978-5-17-113741-0

«ГОЛЫЙ ЗАВТРАК» ПОД СУДОМ

Верховный суд штата Массачусетс в приговоре, вынесенном 7 июля 1966 года, не признал «Голый завтрак» Уильяма С. Берроуза непристойным. Оправдав роман, обвиненный в непристойности, и найдя, что он находится под защитой Первой поправки к Конституции Соединенных Штатов, высшая судебная инстанция штата Массачусетс отменила приговор, ранее вынесенный Высшим судом Бостона, и устранила угрозу запрещения данной книги во всем штате. После того как в 1962 году «Голый завтрак» был впервые опубликован в США, единственная цензурная акция против книги за пределами штата Массачусетс имела место в Лос-Анджелесе, где с книги было снято обвинение в непристойности на судебном процессе 1965 года.

На Бостонском процессе, который предшествовал судебному решению Массачусетского верховного суда, среди свидетелей, дававших показания в защиту «Голого завтрака», были Норман Мейлер, Аллен Гинзберг и Джон Чиарди. В качестве поверенного от имени автора книги и ее издателя вы-

ступал Эдвард де Грациа, которому помогал Дэниел Клабок. Ниже приведен полный текст решения, вынесенного большинством Верховного суда штата Массачусетс, затем следуют отрывки из показаний мистера Мейлера, мистера Гинзберга, а также заявление мистера де Грациа.

МИНИСТР ЮСТИЦИИ ПРОТИВ КНИГИ ПОД НАЗВАНИЕМ «ГОЛЫЙ ЗАВТРАК»

Суд постановил. Данная книга была признана непристойной Высшим судом. Верховный суд Соединенных Штатов счел, что для подтверждения непристойного содержания «должны наличествовать три условия: должно быть установлено, что (а) господствующая тема данного материала, взятого в целом, вызывает похотливый интерес к сексу; (б) данный материал является открыто агрессивным, так как оскорбляет современные общественные устои... и (в) данный материал *абсолютно* не несет в себе социальной ценности» (курсив наш). *Книга под названием «Мемуары женщины для утех, записанные Джоном Келландом» против Генерального прокурора штата Массачусетс.* (Здесь и далее именуемое как дело о «Мемуарах».) «Голый завтрак» может вызвать похотливый интерес у лиц, страдающих отклонениями, и у тех, кто испытывает любопытство к подобным лицам. Для нас это чрезвычайно оскорбительно и является, как говорит сам автор, «грубым, непристойным и внушающим отвращение».

Что касается того, несет ли в себе данная книга социальную ценность, протокол содержит множество обзоров и статей из литературных и прочих изданий, где серьезно обсуждается эта противоречивая книга, автор которой описывает галлюцинации наркомана. Как следует из этих материалов, значительная и разумная часть общества считает, что книга не лишена литературной значимости. Несмотря на то что мы не связаны посторонними мнениями относительно данной книги, мы не можем игнорировать одобрения ее столь многими лицами, принадлежащими к литературному сообществу. Следовательно, мы не можем утверждать, что «Голый завтрак» не «несет в себе социальной значимости, когда оказывается в руках тех, кто издает или распространяет его на основе таковой ценности». См. дело о «Мемуарах», стр. 421.

В протоколе нет свидетельств того, что книга «эксплуатировалась коммерчески исключительно ради вызывания похоти». То есть в данном случае вопрос о том, является ли книга (либо ее публикация и распространение) «абсолютно не имеющей социального значения», не ставится. См. дело о «Мемуарах», стр. 420–421, которое выступает в качестве обращения к преимуществу Первой поправки относительно подобного публикуемого материала как к ограниченной привилегии, утрачиваемой при неверном употреблении. См. также «Гинзберг против Соединенных Штатов», «Мишкин против Нью-Йорка». Ср. «Галвин против Нью-Йорка».

Предыдущее Окончательное решение отменяется, и следует вынести новое окончательное решение, что (не касаясь вопроса, эксплуатировалась ли данная книга коммерчески с целью вызывания похоти) эта книга не может быть объявлена непристойной. Это новое окончательное решение будет вынесено без предубеждения и положит конец судебным преследованиям данной книги согласно соответствующим параграфам закона, даже если окажется, что после 21 марта 1966 года, даты трех предыдущих заседаний Верховного суда (на которые уже делались ссылки), любые лица, ранее или в настоящее время, рекламировали или распространяли данную книгу в этом штате, чтобы в некотором смысле эксплуатировать ее ради, возможно, вызываемого ею похотливого интереса.

Таково постановление суда.

Председатель Верховного суда США не принимал участия в рассмотрении данного дела.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СТЕНОГРАММЫ БОСТОНСКОГО ПРОЦЕССА «ГОЛОГО ЗАВТРАКА»

Эдвард де Грация: Мистер Мейлер, вы упомянули, что в некоторых из ваших произведений вы затрагиваете политические вопросы. Можно ли также сказать, что во многих своих произведениях вы — и как романист, и как эссеист — затрагиваете темы и вопросы морали?

Норман Мейлер: По крайней мере, пытаюсь. Это, как говорится...

Вопрос: Указывать, что хорошо, а что плохо?

Ответ: Если вы бейсболист, вы не утверждаете, что вы хороший третий бейсман, а просто пытаетесь играть на третьей базе. Таким же образом вы пытаетесь касаться вопросов морали. Насколько хорошо вы их касаетесь — другой вопрос.

В: Употребляя слово «мораль», я имею в виду, что вы пытаетесь касаться вопросов хорошего и плохого, добра и зла.

О: Да, я стараюсь касаться подобных вопросов.

В: Вы прочли «Голый завтрак» до судебного заседания?

О: Да.

В: Сложилось ли у вас какое-либо мнение относительно его значимости?

О: Мое мнение относительно его значимости меняется, поскольку сейчас я прочел книгу не до конца, хотя до этого уже дважды ее читал. Я прочел более двух третей книги, то есть всего уже почти три раза. Книга эта попадалась мне в течение двух- или трехлетнего периода, точнее, впервые я столкнулся с ней в 1959 году, в журнале «Биг тейбл». Там был опубликован отрывок. Потом, около двух лет назад, когда книга вышла, я прочел ее целиком. Последние несколько дней я читал ее медленно и внимательно. Я прочел сто десять страниц.

Суд: Какая связь между «Биг тейбл» и «Голым завтраком»?

Мейлер: «Биг тейбл» — это журнал.

Суд: Полагаю, это отраслевой журнал.

Мейлер: «Биг тейбл» был журналом, основанным несколькими редакторами, которые ушли из «Чикаго ревью», литературного журнала Чикагского университета.

Де Грация: Мистер Мейлер, не могли бы вы рассказать нам, что вы думаете о значимости романа, как бы ни менялось ваше мнение по этому поводу?

Мейлер: Ну что ж, изменение, о котором я упомянул, касается того, что интересно лично мне... в общем, я начал читать эту книгу. Когда я прочел ее, она мне очень понравилась. В последний раз я сказал себе: «Чудесная вещь». Теперь я начал читать ее с тревогой — я сомневался, понравится ли она мне настолько же снова.

Суд: Имеет ли книга отношение лично к вам?

Мейлер: Ну если я обязан давать показания и по этому поводу...

Суд: В таком случае прошу прощения.

Мейлер: Итак, прочитав ее, я обнаружил...

Суд: Вы ведь не стали бы ручаться жизнью за качество книги, которая сначала пришлась вам по душе, а при повторном прочтении не понравилась?

Мейлер: Нет, сэр. Но, во всяком случае, на сей раз я читал ее более внимательно. Чтение я еще не закончил. Мне приходится читать медленно и очень много думать — то есть уважительно относиться к тексту. Сейчас я ощутил, что там гораздо больше настоящей литературы, чем показалось мне в прошлый раз, хотя и в прошлый раз я понял, что это произведение большого таланта. У этого человека необычайный дар. Возможно, он самый талантливый

вый писатель в Америке. Будучи профессиональным писателем, я не люблю награждать похвалами первого попавшегося автора.

Суд: А раньше вы его читали?

Мейлер: Я читал одну книгу, «Джанки», это было дешевое издание в мягкой обложке. Это просто очень хороший, добротнo состряпанный роман. Фальшивый роман. Он написал его, чтобы заработать немного денег, но написал хорошо. Некоторые эпизоды этого романа даже присутствуют в «Голом завтраке» как одна из тем.

Однако на сей раз, читая его, я почувствовал, что структура этого произведения столь сложна, что я не стал бы сравнивать его даже с «Улиссом» Джеймса Джойса, и отнюдь не потому, что его можно назвать ни с чем не сравнимым. Сравнение возможно только при серьезном изучении произведения. Читая книгу, я на сей раз обнаружил, что она уже не так шокирует. Я все глубже и глубже постигал смысл, заключенный в различных ее частях. В первый раз, закончив чтение, я понял, что она хорошо написана. У парня необыкновенный стиль. Он точно передает некоторую красоту. Думаю, он передает красоту и в то же время порочность, низость, возбуждение, которыми проникнута разговорная речь, речь преступников, солдат, спортсменов, наркоманов.

Существует такой тип речи, который зовется подзаборным диалектом и которому присущи тонкие, язвительные, драматические черты. Берроуз улавливает эту речь так, как ни один из известных

мне американских писателей. Кроме того — и на меня как писателя это производит впечатление, — кроме того, он тонко чувствует поэзию. Его поэтические образы впечатляют. Они нередко внушают отвращение, но в то же время в них присутствует ощущение столкновения, монтажа, причем совершенно необычное. И, как я уже сказал, все это вместе внушает мне огромное уважение к его стилю. А кроме того, на сей раз я начал ощущать, что на самом деле смысл книги куда глубже, чем я думал, что это произведение более глубокое, произведение рассчитанное, с заранее составленным планом. Другими словами, его художественные качества оказались строго взвешенными и более глубокими, чем я себе представлял. Поэтому я даже жду, когда окончится этот процесс, жду возможности закончить чтение. Как я уже говорил, на этот раз я прочел лишь половину.

Де Грациа: Мистер Мейлер, пока вы говорили на эту тему, мистер Кауин (заместитель генерального прокурора) коснулся вопроса о заметках автора и о том, что автор не помнит, как их писал, — впоследствии они составили основу «Голого завтрака». Мне, как писателю, интересно ваше мнение о содержании этих заметок.

О: Я слушал внимательно, так как вспомнил, что читал об этом в начале книги. Читая книгу, я задумался над проблемой, являющейся одной из тайн писательского ремесла. Очень часто бывает так: вы просыпаетесь утром, начинаете писать, и у вас складывается впечатление, что пишете вы о том, о чем

вовсе не думали. Все вырисовывается в мельчайших подробностях. Наилучший текст, на мой взгляд, не имеет никакого отношения к тому, о чем думает его автор. Существуют бессознательные расчеты, которые, по-видимому, делаются во сне. Вы еще спите, а произведение уже готово, и дисциплина писательского труда почти целиком состоит в том, чтобы воздерживаться от вмешательства в творческую работу, проделанную подсознанием. Другими словами, если человек работает над романом, то он ведет строго размеренную жизнь... вероятно, я слишком многословен. Короче говоря, благодаря размеренной жизни автор создает произведение, о котором даже не думает, будучи в сознании.

В произведении Берроуза, как мне кажется, происходит нечто совершенно необычайное, поскольку этот человек сам признает, что является наркоманом. Мне доводилось слышать различные версии того, как он написал «Гольй завтрак». Кажется, он писал — где-то он об этом говорит... писал, одновременно пытаясь избавиться от наркомании, в других случаях он утверждает, что писал в стадии наркомании, то есть когда был наркоманом. Возможно, он писал эту книгу во всех трех фазах. Об этом остается лишь догадываться. Быть может, книга писалась и тогда, когда он был наркоманом, и когда лечился, и после того, как излечился от своего пагубного пристрастия.

Но что меня поражает, так это наличие в книге структуры, хотя и несовершенной. Как раз по причине несовершенства структуры мы и не можем на-

звать ее великой книгой, подобной «В поисках утраченного времени» или «Улиссу». В наличии у этого человека таланта сомневаться не приходится. Когда этот талант был возбужден и даже воспламенен наркоманией, ему был нанесен и непоправимый урон. Не будь этот человек наркоманом, он мог бы стать одним из величайших гениев английской словесности. По той же причине в композиции книги присутствует ощущение страшной муки. И еще я считаю, что в книге есть стиль. Бессознательно проходя сквозь все злоключения и тяжкие испытания наркомании, автор все же придерживается какой-то схемы, и в этом заключен глубокий смысл. Любопытно хотя бы то, как периодически возникают одни и те же темы.

Я не имею представления о том, каким образом сконструирована эта книга. Компоненты столь необычны, что создается впечатление пира, где поданы тридцать, а то и сорок блюд. Есть их можно в любом порядке. Можно менять их местами. Все темы очень тесно переплетены; если объединить любую страницу с любой другой, возникает некая особая атмосфера. В этом заложен глубокий смысл.

А может быть, книга и не имеет никакой другой структуры, кроме потрясающей глубины авторского опыта — того исключительно тяжелого испытания, которое выпало на долю этого человека. Не исключено и то, что книга отличается жесткой структурой. Все это я говорю лишь на основании трех прочтений. Мне кажется, вещь весьма сложная, чего поначалу я не увидел — теперь она мне

представляется просто захватывающей, меня тянет читать ее дальше и дальше, как это было с «Улиссом», когда я читал его в колледже. Впечатление такое, будто в книге заключены тайны, которые должны быть раскрыты в процессе чтения.

В: Употребляя такие слова, как «захватывающая», имеете ли вы в виду еще и то, что вам, как писателю, а также другим писателям книга представляется серьезной и важной? Какова, на ваш взгляд, ее значимость?

О: На меня, как на писателя, она оказала огромное влияние.

В: Ранее вы упоминали о бессознательном и подсознательном. Возникает ли у вас, как у писателя, чувство, что одним из важнейших качеств настоящего художника является способность облекать в художественную форму все то, что хранится в подсознании, и таким образом вносить свой вклад в общественную жизнь? Является ли это частью вашего понимания одной из задач или проблем данного писателя?

О: Не знаю, стоит ли заходить так далеко.

В: Позвольте мне перефразировать вопрос. Считаете ли вы, что в этой книге Берроуз тем или иным способом извлек из подсознания массу материала, ставшего полезным, а после придания ему художественной формы — и уникальным?

О: Думаю, он не только уникален и полезен, думаю, в этой вещи дана некая картина. Я считаю, что это произведение... Один из джентльменов, которые давали показания ранее, упомянул св. Августина.

Мне мысль о св. Августине в голову не приходила. Для меня это просто изображение преисподней. Да, это Ад. Ваша честь, я кое-что об этом написал. Если пожелаете, могу прочитать.

В: У вас что, есть какие-то заметки?

Суд: У вас есть заметки?

Мейлер: Да, у меня есть заметки.

Суд: Прошу вас.

Мейлер: Так вот, в этих заметках...

Суд: Между прочим, когда вы их написали?

Мейлер: В воскресенье. Ранее я уже писал об Уильяме Берроузе в «Эсквайре», два, а может, и полтора года назад. Но я понял, что не хочу просто возвращаться к написанному. Те заметки были хвалебными, но я почувствовал, что хочу их освежить. Если пожелаете, могу предложить их вам.

Де Грация: Продолжайте, мистер Мейлер.

О: Уильям Берроуз является, по моему мнению — каковы бы ни были его сознательные намерения, — религиозным писателем. При чтении «Голого завтрака» возникает ощущение умерщвления духа, и с более сильным ощущением я не сталкивался ни в одном современном романе. Перед глазами встает картина, изображающая то, как вело бы себя человечество, будь человек полностью отлучен от вечности. Что придает этой картине пулебно-заостренную четкость, так это полнейшее отсутствие сентиментальности. В религиозных материалах сентиментальность выступает наружу в виде некоей сахариновой набожности, вызывающей у впечатлительных, проницательных и глубоко

чувствительных людей отвращение к любой мысли о религиозном чувстве. Берроуз избегает даже намек на подобную сентиментальность (которая, разумеется, свела бы на нет ценность его произведения), прилагая к серии педантично описанных и внушающих ужас событий резкую, язвительную лексику — своего рода юмор висельника, остатки гордости побежденного человека, гордости за то, что он не утратил, по крайней мере, своей горькой иронии. Тот же вид юмора процветает в тюрьмах и в армии, на ипподромах и в букмекерских конторах — граффити холодного, даже злого остроумия, основанного на функциях организма и брэнности тела, а также на пренебрежении, унижениях и муках, которые может испытывать человек. Это необузданный, страшный юмор, такой же беспристрастный и неумолимый, как налог с продажи. Это разменная монета общения в каждом из названных миров. Горечь — это щелочь, каждую серьезную тему она протравливает в едком веществе самых жестоких переживаний; то, что остается, так же сухо и серебристо, как кость. Именно этот вид высокопробного сухого осадка и является для меня эмоциональным содержанием произведения Берроуза.

Точно так же, как Иероним Босх с утонченностью линии и плутовским юмором выписывал самые дьявольские и чудовищные подробности, заставляя зрителя долго ощущать себя слугой во дворцах ужасов преисподней, так и Берроуз пробуждает в читателе дремлющее представление о том, каким может быть Ад — Ад, который может оказаться кульми-